

Хакимова-Айдын У. И.,
диссертант Інститута мовознавства імені Насими
Національної академії наук Азербайджана

ИССЛЕДОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ОБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ФРАНЦУЗСКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье рассматривается анализ юридического термина как основной единицы в качестве термина языка права «в сфере фиксации», а также «в сфере функционирования», то есть в различных юридических дискурсах. В ходе исследования филологических и юридических словарей было обнаружено, что некоторые термины, так называемые эксклюзивные юридические термины, связаны исключительно с правом и не имеют никакого дополнительного значения вне контекста права. Также существуют термины, которые выражают простые базовые юридические понятия. Дальнейшее исследование показало, что наряду с такими юридическими терминами в качестве термина используются слова общей лексики и термины других отраслевых терминологий без каких-либо семантических изменений. Рассматриваются основания для использования этих слов в качестве юридических терминов. В результате использование единиц общей лексики и других отраслевых терминологий в качестве юридического термина было обосновано тем фактом, что они имеют особое юридическое определение лишь в юридическом дискурсе только в том случае, если они обуславливаются и объявляются правом и становятся автономно определенным вокабуляром.

Ключевые слова: юридический термин, юридический дискурс, автономно определенный вокабуляр, юридическое определение.

Постановка проблемы. Основная часть юридического языка состоит из юридических терминов. Под юридическим термином понимается «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [1, с. 782]. По поводу анализа юридического термина в «сфере фиксации», а также в «сфере функционирования» [2, с. 15], говоря словами В. Даниленко, то есть его анализа в различных юридических дискурсах, М. Воробьева также подчеркивает, что в связи с тем, что юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений и непосредственно связаны с регулятивной функцией права, возникает необходимость исследовать их не только как единицы языковой системы, но и с точки зрения их реального функционирования, восприятия рядовыми носителями языка [3, с. 183]. В ходе исследования юридической терминологии с помощью филологических, в частности юридических словарей, возникает вопрос: что можно считать юридическим термином? Все ли слова, данные в юридических словарях, являются юридическими терминами?

Первое, что привлекает внимание, это связь некоторых терминов исключительно с правом, то есть они указывают определенное юридическое понятие и не имеют никакого

дополнительного значения вне контекста права. А также они не могут иметь метафорических дериваций. Причина этого связана с тем, что эти термины обладают высокой технической точностью, так как существует тесная взаимосвязь между понятием и словом. Из-за отсутствия эквивалентов таких понятий в повседневной жизни эти термины не подвергаются метафоризации и становятся специальными элементами юридической системы. Рассмотрим несколько примеров таких терминов во французском и в азербайджанском языках.

Необходимо подчеркнуть, что в азербайджанском языке большинство терминов, относящихся исключительно к юридической сфере, являются заимствованными из других языков. Во французском и в азербайджанском языках к подобным терминам относятся такие, как: 1) присущие судебному дискурсу: *l'estoppel – estoppel* (эстоппель – лишение права ссылаться на какие-либо факты); *l'exequatur – ekzekvatura* (экзекватура – исполнение судебного решения, вынесенного в другой стране); *la cassation – kassasiya* (кассация); *colitigant* (məhkəmə davası aparan, mülki iddia aparan – ведущий судебную тяжбу, подавший гражданский иск); *l'action recoursoire* (kiməsə qarşı iddia irəli sürmə hüququ, əks tələb vermə hüququ – право выдвинуть иск против кого-либо, право на контриск); *la juridiction – yurisdiksiya* (юрисдикция), *le parquet – prokuror* (прокурор); *préjudiciel – prejudisial* (преюдициальный) и т. д., 2) относящиеся к праву по кредитам и обеспечениям: *le fiduciaire – fidusyari* (фидуциарий – лицо, несущее ответственность за доверенное имущество и управляющее им в интересах другого лица); *le cautionnement* (zaminlik haqqında sənəd, zəmanət – документ о поручительстве, поручительство); *le warrant – varant, zəmanət* (варант, гарантия); 3) относящийся к праву наследования: *ab intestat – ab intesta* (интестат – умерший без завещания – прим. пер.); *le légataire* (vərəsə, varis – наследник); *le codicille* (vəsiyyətnaməyə əlavə, yeni vəsiyyətnamə m – кодициль (письменное дополнение к завещанию, изменяющее существующее завещание)); *le fidéicommiss – fideikomis* (фидеикомис – поручение, данное завещателем другому лицу (наследнику), поручение при кончине); 4) относящиеся к праву специального договора: *le bail – icarə müqaviləsi* (арендный договор); *l'emphytéose – emfitevsiz* (эмфитевзис – вещное наследуемое отчуждаемое право владения и пользования чужой землей); *l'amodiation – icarəyə vermə* (сдача в аренду); *friqold* (фрихолд); *fyuçers* (фьючерс); и т. д., а также 5) относящиеся к различным областям права: *le criminaliste – kriminalist* (криминалист); *l'arrétiste* (məhkəmə qərarlarını şərh edən hüquq məsləhətçisi – юридический консультант, разъясняющий судебные решения); *la flagrance – cinayətin şübhəsizliyi* (несомненность преступления); *le contumax* (məhkum – осужденный) и др.

Анализ последних исследований и публикаций. Надо отметить, что некоторые чисто юридические термины французского языка, перечисленные выше, передаются на азербайджанский язык описательным способом или же словом, которое принадлежит к общеупотребительной лексике, поэтому для азербайджанского языка не являются сугубо юридическими терминами.

В связи с терминами, рассматриваемыми нами, возникает следующий вопрос. Действительно ли термины, которые используются только в юридической сфере и которые обладают высокотехнической точностью, являются основой права и в результате становятся основными представителями юридической системы?

В действительности право, являющееся сводом правил поведения всех индивидуумов и групп общества и предписывающее каждому из них определенное поведение, заключающее в себе принципы разрешения существующих споров для лучшего понимания каждым прав и обязанностей в той или иной ситуации, столь конкретными, сжатыми и техническими выражениями ограничиваться не может. Правовая сфера, обладающая чрезвычайно обширным вокабуляром, имеет такие элементы, что они не только выражают основные, ключевые понятия права, но и являются рабочими членами общего языка. Даже такие термины, подвергаясь детерминологизации, могут образовать фразеологические сочетания. Во французском и в азербайджанском языках в юридический словарь входят такие базовые термины, как: 1) *le droit – hüquq* (право); *la justice – ədalət* (справедливость); *la loi – qanun* (закон); *valide – etibarlı, qanuni, qanuniləşdirilmiş* (действительный, законный, узаконенный); *l'autorité – hakimiyyət* (власть); *le gouvernement – hökumət* (правительство); 2) относящиеся к судебному дискурсу: *le juge – hakim* (судья); *l'avocat – vəkil* (адвокат); *le procès – proses* (процесс); *l'audience – dinləmə* (выслушивание); *le témoin – şahid* (свидетель); *la décision – qərar* (решение); 3) выражающие главные акты: *le contrat – müqavilə, saziş* (договор, соглашение); *le décret – dekret* (декрет); *l'arrêt – 1) həbs etmə* (арест) 2) *qərar* (решение); *le testament – vəsiyyətnamə* (завещание); *l'accord – müqavilə* (договор); и ряд других *la crime – cinayət* (преступление); *la peine – cəza* (наказание); *la patrimoine – irs, miras* (наследство); *l'héritage – miras, varislik* (наследство, наследие); *la divorce – boşanma* (развод); *la tutelle – qəyümlüq* (опекунство) и т. д.

Такие термины преимущественно понимаются в своем прямом значении. Это является подтверждением точности, не лишности технического значения указанных терминов (судья, адвокат, свидетель, наследник) и указывает на то, что каждый человек обладает юридическим мышлением. Являясь показателями юридического мышления, эти термины выражают понятия, связанные с ежедневной правовой жизнью, и в результате данная лингвистическая база составляет в социальном сознании и в юридическом смысле основу и элементарный терминологический багаж права.

Однако юридическая терминология не ограничивается сугубо правовыми терминами и ключевыми словами юриспруденции. Сфера охвата этой области столь обширна, что здесь широкое место занимают и общеупотребительные слова и термины, относящиеся к другим отраслевым терминологиям. В юридической терминологии такие общеупотребительные слова и принадлежащие к другой отраслевой терминологи-

гии термины (психологическая, медицинская, экономическая, и пр.) используются не меняя ни в коей форме свое значение.

Анализируя юридические словари, можно было заметить, что пласт юридической терминологии чрезвычайно обширен, и эта обширность создает некую запутанность. На наш взгляд, первый шаг, который должен быть предпринят для осознания этой обширности терминов, это обратиться к тематическим группам юридической области и рассматривать их в юридических дискурсах, например, судебных и законодательных. Этот шаг несколько прояснит процесс терминологизации этих слов. Таким образом, может стать ясна причина широкого использования общеупотребительной лексики, в том числе принадлежащих к другой отраслевой терминологии терминов, наряду с сугубо юридическими терминами, и может быть также обоснована принадлежность этих терминов и слов к юридической терминологии.

Цель статьи. Рассмотрев основные области внутреннего законодательства некоторых стран, определить основную часть специального права, которая непосредственно связана с личностью составляющего и регулирующего его существование и деятельность.

Изложение основного материала. В части о правах личности гражданского права говорится о правилах, регламентирующих отношения индивидов с другими представителями общества с момента рождения и до смерти. В число таких правил входят правила, регулирующие половые отношения, брачные отношения между мужчинами и женщинами, родственные отношения, возникшие в результате этого брачного союза, узы рожденных в браке или вне брака детей и родителей. Например, *“À cet égard la Cour constitutionnelle a affirmé que l'essence de la norme en question est de “garantir que le parent remplisse ses obligations à l'égard de ses enfants”* («По этому вопросу Конституционный суд подтвердил, что в основе упомянутой правовой нормы находится «обеспечение выполнения обязательств родителем перед своими детьми») [4] или же *“La naissance de l'enfant sera déclarée par le père, ou, à défaut du père, par les docteurs en médecine ou en chirurgie, sages-femmes, officiers de santé ou autres personnes qui auront assisté à l'accouchement; et lorsque la mère sera accouchée hors de son domicile, par la personne chez qui elle sera accouchée. L'acte de naissance sera rédigé immédiatement”* («Рождение ребенка декларируется отцом или, если нет отца, принимающими роды врачами или же хирургами, акушерками, медицинскими работниками или же другими лицами; и при рождении матерью ребенка за пределами места своего проживания, хозяином места, где произошли роды. Свидетельство о рождении составляется тотчас»). [5, с. 56]. *“Azərbaycan Respublikasının Ailə Məcəlləsi (bundan sonra — bu Məcəllə) nikahın bağlanması, nikaha xitam verilməsi və onun etibarsız sayılması qaydaları və şərtlərini müəyyən edir, ailə üzvləri (ər-arvad, valideynlər və uşaqlar), eləcə də ailə qanunvericiliyində nəzərdə tutulmuş hallarda və həddə başqa qohumlar və digər şəxslər arasında yaranan əmlak və şəxsi qeyri-əmlak münasibətlərini tənzimləyir; habelə valideyn himayəsindən məhrum olan uşaqların tərbiyəyə götürülməsi qaydalarını müəyyən edir”*. («Семейный кодекс Азербайджанской Республики (далее – настоящий Кодекс) устанавливает правила и условия заключения, расторжения брака и признания его недействительным, регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи (супругами, родителями и детьми),

либо в предусмотренных законодательством случаях и пределах между другими родственниками и другими лицами, а также устанавливает правила принятия на воспитание детей, лишенных попечительства родителей) [6, ст. 2.1]. При этом формируются особые понятия. При правовом регулировании таких вопросов, как отношение между родителем и ребенком, обязанности родителей и прав детей, правовое толкование брака и т. д., общеупотребительные слова «*valideyn* (родитель) – *les parents*», «*uşaq* (ребенок) – *l'enfant*», «*nikah* (брак) – *le mariage*», используемые в прямом значении, то есть не подвергаясь семантическим изменениям, обретают правовой смысл и статус в юридической терминологической сфере и, будучи юридическими терминами, начинают нести особую функцию и приводят к образованию системы таких определенных понятий, как «*valideynlik hüquqlarının müdafiəsi*» (защита родительских прав), «*valideynlik hüququndan məhrumetmə*» (лишение родительских прав), «*uşağın mənşəyinin müəyyən edilməsi*» (определение происхождения ребенка), «*uşağın ailədə yaşamaq və tərbiyə olunmaq hüququ*» (право ребенка жить и воспитываться в семье), «*uşağın öz valideynləri və başqa qohumları ilə ünsiyyətdə olmaq hüququ*» (право ребенка на общение со своими родителями и другими родственниками), «*nikahın bağlanması – contracter mariage*» (заключение брака), «*nikaha xitam verilməsi – la dissolution du mariage*» (расторжение брака), «*nikahın etibarsız sayılması – la nullité du mariage*» (признание брака недействительным) и пр. А также, опираясь на идею «термин отличается от слова, имеющего естественный смысл тем, что обладает условным значением» [7, с. 120], становится понятным, что мы имеем дело с различными назначенными понятиями в дискурсах «Дети играют во дворе», «В развитии детской личности нравственные, национальные и религиозные принципы, мифы усиливают индивидуализацию его личности, ...» [8, с. 10] и «пострадавшие от жестокого обращения дети» и даже «рожденные вне брака дети». В первом случае в общем смысле повествуется о малолетних детях и группе детей. Во втором случае, в психологии речь идет не о качестве быть «малолетним человеком», который по своим физическим и психическим возможностям ограничен, по сравнению со взрослым человеком, но о качестве быть ребенком, который, опережая взрослых по своим темпам развития, показателям динамики, по темпам развитию своих психических и физических возможностей, развивается от уровня биологического существа и индивида до социального существа и личности [8, с. 9]. А в третьем случае обуславливаются в широком смысле слова о малолетних, защищенных законом, а в узком смысле слова о родственности по нисходящей линии. Кроме этого, отличия в определении возрастного предела ребенка в обеих областях существуют различные дефиниции этого понятия. При определении детского периода и возраста в психологии принимаются во внимание такие аспекты, как речь и мышление, эмоциональные проявления, волевые действия, попытки и интересы, характерные признаки и способности [8, с. 21]. Однако в праве это определено конкретно – недостижение 18-летнего возраста и необладание полной дееспособностью. Например, «*Hər bir insan 18 yaşına çatanaqədər bu Konvensiyanın təqəddərləri üçün uşaq sayılır, bir şərtlə ki, həmin uşaq bərasində tətbiq edilən qanuna görə o, yetkinlik yaşına daha əvvəl çatmış olmasın*» («Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он

не достигает совершеннолетия ранее») [9, ст. 1], «*Uşaqların bu Qanunda nəzərdə tutulmuş hüquqları və vəzifələri 18 yaşına (yetkinlik yaşına) çatmayan və tam fəaliyyət qabiliyyəti əldə etməyən hər bir şəxsə aid edilir*» («Права и обязанности детей, предусмотренные настоящим Законом, распространяются на каждое лицо, не достигшее (совершеннолетия) и не обладающее полной дееспособностью возраста 18 лет») [10, ст. 1]. Рассмотрим функцию другой общеупотребительной лексики как юридического термина. Лексическая единица «*tərcüməçi* - (переводчик)» в толковом словаре азербайджанского языка объясняется как «лицо, переводящее с одного языка на другой». Однако при исследовании того, по какой причине встретившаяся нам в азербайджано-русском толковом правовом словаре эта единица считается юридическим термином, мы видим, как данная лексическая единица в 1-ом пункте статьи 99 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики определяется в следующей форме: «*Tərcüməçi cinayət prosesində şəxsi marağı olmayan, öz razılığı əsasında icraatın materiallarını, habelə məhkəmə iclasının gedişi, istintaq və ya digər prosesual hərəkətlərin aparılması zamanı səslənən bütün danışqları tərcümə etmək üçün cinayət prosesini həyata keçirən orqan tərəfindən təyin edilmiş şəxsdir*» («Переводчиком является лицо, которое не имеет личной заинтересованности в уголовном процессе и со своего согласия назначено органом, осуществляющим уголовный процесс, для перевода материалов производства, а также всех разговоров в ходе судебного заседания и во время производства следственных или иных процессуальных действий») [11, ст. 99.1]. Можно прийти к выводу о том, что общеупотребительная лексика, применяемая в областной терминологии определяется или обуславливается дефиницией, данной этому понятию в данной области. Как отмечалось, относящиеся не только к общеупотребительной лексике, но и другой отраслевой терминологии термины, не подвергшиеся смысловому изменению, используются как юридические термины. Например, обратим внимание на другую область, где применяются медицинские термины – биомедицинское право. По словам А. Мустафеевой, право на защиту здоровья человека создает соответствующие права для отдельных лиц в соответствующей области общественных отношений и устанавливает соответствующие должности для государственных органов [12, с. 39]. Она подчеркивает, что «развитие медицины и проводимые с участием человека биомедицинские исследования и биотехнологический прогресс приводят к формированию таких новых понятий, как репродуктивные технологии, медицинская генетика, геновая инженерия, клонирование, трансплантация органов, что становится причиной создания таких этико-моральных дискуссий, биоэтических проблем, как искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, лечение болезней применением эмбриональных клеток, уничтожением жизни одного человека для спасения жизни другого. А это порождает необходимость регулирования проблемы юриспруденцией, то есть создание правовой базы этих понятий. Таким образом, юриспруденция, тесно связанная с морально-этическим регулированием, старается не отставать от биомедицинских наук, так как в противном случае честь и достоинство человека в достаточной степени защищено быть не может». [12, с. 14, 57]. По этой причине в пределах юридического дискурса мы сталкиваемся с терминами, выражающими понятия, связанные с биомедициной и с существующими новыми биомедицинскими технологиями.

Хакімова-Айдин У. І. Дослідження юридичних термінів як об'єкта юридичної мови (на основі матеріалів французької і азербайджанської мов)

Анотація. У статті розглядається аналіз юридичного терміна як основної одиниці як терміна мови права «в сфері фіксації», а також «у сфері функціонування», тобто в різних юридичних дискурсах. У ході дослідження філологічних та юридичних словників було виявлено, що деякі терміни, так звані ексклюзивні юридичні терміни, пов'язані виключно з правом і не мають жодного додаткового значення поза контекстом права. Також існують терміни, які висловлюють прості базові юридичні поняття. Подальше дослідження показало, що поряд із такими юридичними термінами як термін використовуються слова загальної лексики і терміни інших галузевих термінологій без будь-яких семантичних змін. Розглядаються підстави для використання цих слів як юридичних термінів. В результаті використання одиниць загальної лексики та інших галузевих термінологій як юридичного терміна було обґрунтовано тим фактом, що вони мають особливе юридичне визначення лише в юридичному дискурсі тільки в тому випадку, якщо вони обумовлюються й оголошуються правом і стають автономно визначним вокабуляром.

Ключові слова: юридичний термін, юридичний дискурс, автономно визначений вокабуляр, юридичне визначення.

Hakimova-Aydin U. Investigation of legal terms as an object of legal language (on the basis of materials of French and Azerbaijan languages)

Summary. This article deals with the analysis of the legal term – the main unit of the legal language – “in the sphere of fixation”, as well as “in the sphere of function”, that is, in various legal discourses. In the study of philological and legal dictionaries, it was found that that some terms, the so-called exclusive legal terms, are exclusively related to the law and do not have any additional significance beyond law. Such terms with high technical accuracy have also no metaphorical derivations. There are also terms, so called basic legal terms, which express simple basic legal concepts. Further investigation revealed along with exclusive and basic legal terms, the words of general vocabulary and terms of the other specialized domain are used as a legal term without any semantic changes. The basis for the use of these words as a legal term was considered. As a result, the use of units of general vocabulary and the terms of other specialized domains as a legal term was justified by the fact that they have special legal definition only in the legal discourse, only if they are conditioned and declared by law and become auto-defined vocabulary.

Key words: legal term, legal discourse, auto-defined vocabulary, legal definition.